

УДК 338.92

ББК 65.9(2Р)30-2

Э40

DOI 10.36264/978-5-89665-403-2-2026-039

А в т о р ы:

Алексеев А.В., д.э.н. – предисловие, гл. 3, заключение; Базаров А.Б., к.э.н. – гл. 10; Баранов А.О., д.э.н. – гл. 4, гл. 7; Гильмундинов В.М., д.э.н. – гл. 10; Гореев А.В., к.э.н. – гл. 4; Дементьев Н.П., д.ф.-м.н. – гл. 6; Казанцева Л.К., к.и.н. – гл. 10; Казанцев С.В., д.э.н. – гл. 5; Колложнов Д.В., PhD in economics, к.э.н. – гл. 12; Колложнов Е.Д. – гл. 12; Комарова А.В., к.э.н. – гл. 9; Музыко Е.И., д.э.н. – гл. 8; Павлов В.Н., д.т.н. – гл. 7; Рыженков А.В., д.э.н. – гл. 11, приложение; Савина А.И., к.э.н. – гл. 10; Слепенкова Ю.М., к.э.н. – гл. 4; Тагаева Т.О., д.э.н. – гл. 10; Тесля П.Н., к.э.н. – гл. 2; Филимонова И.В., д.э.н. – гл. 9; Фомин Д.А., к.э.н. – гл. 1.

Рецензенты:

д.э.н. Н.И. Суслов, д.э.н. Н.М. Ибрагимов, к.э.н. М.А. Ягольницер

Э40

Экономика России в новой макроэкономической реальности: от структурных диспропорций к новой модели роста / под ред. А.В. Алексеева, Л.К. Казанцевой. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2026. – 426 с.

ISBN 978-5-89665-403-2

В монографии дается анализ новой макроэкономической реальности – ее производственной, финансовой, демографической, эколого-экономической составляющих – сложившейся под воздействием внешних и внутренних факторов. Рассматриваются вопросы создания диверсифицированной национальной экономики в противовес курсу на консервацию сырьевой модели развития. Внимание фокусируется на инструментах стратегического развития, на моделях поиска компромисса между целями экономической политики, на проблемах адаптации нефтегазового сектора к новым реалиям. Теоретико-методологическим фундаментом исследования стали передовые концепции моделирования экономической динамики, промышленных циклов и условий макроэкономической стабильности.

Монография подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН по проектам № 121040100281-8 «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности» и № 126020516495-3 «Методология и методика разработки и обоснования приоритетов инвестиционной, кредитно-денежной и фискальной политики структурной трансформации российской экономики в новых геополитических условиях»; адресована ученым-экономистам, работникам государственных служб, частных корпораций и учебных заведений.

УДК 338.92

ББК 65.9(2Р)30-2

ISBN 978-5-89665-403-2

© ИЭОПП СО РАН, 2026

© Коллектив авторов, 2026

Полная электронная копия издания расположена по адресу:

http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2026/039-EconRus/Ekonomika_Rossii_v_Novoy_macrocon_realnosti.pdf

Часть I

НОВАЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВЫЗОВЫ И СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ

Глава 1

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И СТРУКТУРНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ЭКОНОМИКИ РФ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

После февраля 2022 г. основными факторами, определяющими экономическое развитие РФ, являются: рост военных расходов, торговые санкции недружественных стран, а также разрушения вследствие боевых действий материально-технической базы и инфраструктуры отраслей экономики. В мировой и отечественной истории эти факторы не являются чем-то новым, это типичные экономические проявления военных конфликтов. Накопленный исторический опыт, при его правильном использовании и корректной интерпретации, может помочь понять современное состояние российской экономики и определить ее будущее. В связи с этим рассмотрен опыт двух крупнейших мировых конфликтов – Первой и Второй мировых войн, также изучены пять крупнейших военных конфликтов XX века, в которых принимала участие наша страна. Обобщение опыта позволило выявить ряд факторов, наличие или отсутствие которых определяют возможности экономического роста воюющего государства. С точки зрения присутствия этих факторов проанализирована современная экономическая ситуация в России. Сделан вывод об отсутствии перспектив экономического роста в современной России, и обоснована необходимость структурной перестройки ВВП в сторону увеличения военных и инвестиционных расходов за счет сокращения потребления населения.

1.1. Возможности и перспективы экономического роста

Война и экономический рост. Вряд ли что-то лучше может прояснить будущее, чем прошлое, очищенное от эмоциональных переживаний, вовлеченности в повседневность, «тумана войны» и грифов секретности. История XX века, насыщенная бурными историческими и военными событиями, является уникальной базой данных, позволяющей найти аналогии и провести параллели практически на любой заданный военный сценарий. Это касается, например, экономических санкций, широкое использование которых началось в 50-е годы прошлого века. Однако сами по себе военные, политические и дипломатические механизмы блокирования транспортных маршрутов и логистических коридоров были отработаны еще в Первую мировую войну. Достаточно указать, что одно из ключевых сражений войны – битва за Атлантику, имела своей целью нарушение коммуникаций противника и установление блокады (военно-морской блокады). Различия между санкциями и блокадами лежат исключительно в инструментальной плоскости, экономические последствия у них одни – отрыв страны от мирового хозяйства и внешних рынков.

Опыт функционирования экономики в условиях войн и боевых действий столь обширен, что его невозможно обобщить в каком-то разумном объеме. К тому же каждый военный конфликт уникален, по этой причине искать аналогии современной специальной военной операции (СВО) в войнах прошлого нет никакого смысла. Вместо этого гораздо продуктивнее рассмотреть экономические основы функционирования воюющих государств и найти факторы, определяющие экономическую динамику. Анализ этого опыта позволяет найти ответы на два вопроса: возможен ли рост экономики в условиях войны и если – да, то при каких условиях.

Экономическая динамика в мировых войнах. Наиболее наглядно влияние войны на состояние экономики можно обнаружить в истории двух крупнейших мировых войн, которые потребовали от экономики, общества и государства полной мобилизации имеющихся ресурсов. Наиболее признанной работой, посвященной экономике периода Первой мировой войны, является

вышедшая в 2005 г. монография под редакцией С. Бродберри и М. Харрисона [The Economics..., 2005]. Авторам книги удалось рассчитать примерную динамику ВВП воюющих стран за весь военный период (табл. 1.1).

Таблица 1.1

**Динамика ВВП стран-участниц Первой мировой войны,
%(1913 г. = 100%)**

Год	Велико- британия	США	Франция	Италия	Герма- ния	Австрия	Османская империя
1914	92,3	101,0	92,9	109,9	85,2	83,5	нет св.
1915	94,9	109,1	91,0	112,0	80,9	77,4	нет св.
1916	108,0	111,5	95,6	125,3	81,7	76,5	нет св.
1917	105,3	112,5	81,0	133,3	81,8	74,8	нет св.
1918	114,8	113,2	63,9	145,4	81,8	73,3	~ 60-70

Источник: [The Economics..., 2005, с. 12, 120, 307].

Можно признать, что общим правилом для стран, являющихся участниками Первой мировой войны, является сокращение ВВП. Все страны Тройственного союза, прежде чем прийти к военному поражению, первоначально потерпели экономический крах.

Исключением из этого правила являются три страны – США, Великобритания и Италия. Успешное экономическое развитие *США* вполне объяснимо – страна довольно поздно вступила в войну (в апреле 1917 г.), и ее участие в войне ограничилось отправкой экспедиционного корпуса и поставкой материально-технических ресурсов. *Великобритания*, несмотря на экономический спад в начальный период войны, сумела за счет роста военных заказов стабилизировать и нарастить производство. На территории Великобритании, так же, как и на территории США, не велись боевые действия. Единственный военный ущерб, полученный экономикой, был нанесен немецкими дирижаблями. Дирижабли 160 раз пересекали английское побережье и сбросили на территорию страны 5 тыс. бомб общей массой 158 т, чем нанесли ущерб в размере 1,4 млн фунтов стерлингов [Обухович, Кульбака, 2000, с. 213]. Однако экономика Великобритании страдала от морской блокады и подводной войны. Общие относительные по-

тери национального богатства Великобритании за годы Первой мировой войны С. Бродберри и М. Харрисон оценивают в 14,9% (потери Франции, ставшей ареной военных действий – 54,7%) [The Economics, 2005, с. 28]. Что касается экономического роста *Италии* в годы войны, то никакого внятного объяснения столь впечатляющему росту авторы не дают. При этом они отмечают слабую статистическую базу расчетов и недостаток исходных данных. Также можно отметить, что случаи экономического роста отмечались только у стран Антанты и их союзников, т. е. победителей в войне.

Совсем иная ситуация складывалась в годы Второй мировой войны. Между войнами прошел всего 21 год, и негативный опыт, вынесенный из первой войны, был в полной мере использован постаревшими ее участниками. Принимая во внимание тотальный характер нового типа войн, все страны заблаговременно проводили подготовку, выражающуюся в росте военных расходов, создании избыточных производственных мощностей, формировании запасов сырья и ресурсов, отработке систем мобилизации населения и перевода экономики на военный режим. Практически все экономики воюющих стран демонстрировали свой рост в годы войны (табл. 1.2).

Таблица 1.2

**Динамика ВВП стран-участниц Второй мировой войны,
% (1938 г. = 100%)**

Год	Германия	Австрия	Италия	Финляндия	Япония	США	Великобритания
1939	109,4	113,4	107,3	95,7	115,8	108,0	101,0
1940	110,2	110,4	107,9	90,7	119,1	116,3	111,1
1941	117,2	118,3	106,6	93,7	120,8	137,5	121,2
1942	118,8	112,4	105,3	94,0	120,1	165,0	124,2
1943	121,1	115,1	95,4	104,8	121,8	197,8	126,9
1944	124,2	118,1	77,5	104,9	116,6	214,4	122,0
1945	88,3	48,8	60,7	98,8	58,3	205,8	116,6

Источник: рассчитано по кн. [Maddison, 2003, с. 50, 51, 85, 172].

Видно, что максимальный уровень военного производства был достигнут как победившими, так и проигравшими странами в 1943–1944 гг., т. е. к концу войны. И этот уровень значительно превышал исходный довоенный уровень 1938 г. В Германии экономика достаточно успешно функционировала до февраля 1945 г., а своего максимума военное производство достигло в июне 1944 г. [Промышленность..., 1956, с. 94]. В отличие от Первой мировой войны, поражение (поражение стран «оси») было вызвано военным фактором, а не крахом экономики.

Наибольший рост – более чем в два раза, в годы Второй мировой войны показала экономика США. Немаловажным фактором, обеспечивающим рост экономики, стала удаленность страны от зон боевых действий. Этого фактора в годы Второй мировой войны лишилась Великобритания, подвергавшаяся массированным авиационным и ракетным ударам, особенно в начальный период войны. За весь период войны территория США была атакована только японскими шарами-бомбардировщиками. С ноября 1944 г. по апрель 1945 г. японцами по направлению к США было запущено 9 тыс. воздушных шаров. Каждый шар имел бомбовую нагрузку в 900 кг, а его автоматический взрыватель срабатывал через трое суток после запуска, когда, по расчетам инженеров, он оказывался над территорией США. По отчетам японского командования, территории США достигла тысяча шаров, американцы сообщили об обнаружении 300 шаров на своей территории [Козырев М., Козырев В., 2009, с. 124–128]. Очевидно, что хоть сколько-нибудь существенного ущерба такие запуски дать не могли.

При этом довольно успешными оказались действия немецких подводных лодок в прибрежных водах США. Немецкий подводный флот в первой половине 1942 г. сумел парализовать каботажные морские перевозки вдоль Атлантического и Тихого океана и фактически отрезать южные районы нефтедобычи от северо-западных и северо-восточных промышленных центров, и военно-морских баз. Неспособность военно-морского флота США обезопасить свои территориальные воды потребовала строительства трубопроводов, в итоге проблема транспортировки нефти была решена.

Этот феномен, феномен потрясающего экономического роста в условиях войны, заслуживает более пристального рассмотрения. Очевидно также и то, что выдающиеся экономические успехи США способствовали повышению эффективности стран-союзников. Благодаря союзнической помощи Великобритании удалось добиться более высоких темпов роста экономики, а СССР – замедлить падение производства в военные годы.

Экономический военный рост: опыт США. Статистики были не первыми, а скорее последними, кто рассказал об успехах американской экономики в годы Второй мировой войны. Производство сотен тысяч самолетов, джипов, танков и артиллерийских орудий; строительство мощного флота, способного за многие тысячи миль перебрасывать миллионные группировки американских войск и снабжать их всем необходимым; обеспечение стабильного внутреннего потребления – все это было очевидными и несомненными достижениями американской экономики. Уже в 1942 г. руководители крупных промышленных компаний, обеспечивающих выполнение военных заказов, называли произведенные объемы техники «величайшим чудом массового производства, которое когда-либо видел мир», а в начале 1943 г. президент США Ф. Рузвельт использовал выражение «чудо производства» для описания экономического состояния страны [Field, 2022, с. 513]. Плохо скрываемая радость корпораций по поводу щедрых военных заказов (их размер действительно можно назвать чудом) и восторги политиков по поводу экономических успехов, конечно же, не могут избавить от поиска рациональных причин роста военной экономики. К настоящему времени эти причины найдены и хорошо изучены. В них нет ничего чудесного и, более того, нет ничего такого, что указывало бы на их военный чрезвычайный характер.

Прежде всего, стоит обратить внимание на соотношение динамики производства и динамики капитала, с помощью которого это производство осуществлялось (табл. 1.3).

Таблица 1.3

Национальное богатство и ВВП США, 1939–1945 гг., млрд долл.

Активы по видам и ВВП	1939	1945	Прирост, %
Национальное богатство*, всего	395,6	561,2	41,9
В том числе: здания и сооружения	188,5	275,7	46,3
оборудование	66,7	94,5	41,7
запасы	30,4	52,0	71,1
ВВП*	110,6	180,6	63,3
ВВП**	862995	1644761	90,6

Примечания: * Оценки бюро цензов США приведены в ценах 1929 г. [Historical..., 1960, с. 140, 151]; ** Данные Э. Мэддисона рассчитаны в между-народных долларах 1990 г. [Maddison, 2003, с. 85].

Если ориентироваться на официальные оценки американского ВВП, то окажется, что прирост ВВП был в 1,5 раза выше прироста национального богатства. Если ориентироваться на более поздние и более обоснованные оценки роста экономики США, сделанные Э. Мэддисоном в начале текущего столетия, то окажется, что прирост военного производства превышал в 2,2 раза прирост стоимости богатства. Независимо от того, чьи оценки использовать, вывод однозначен: рост американской экономики в годы войны превышал рост ее материальной базы. А это значит, что американская экономика к началу войны имела колоссальные неиспользуемые запасы производственных мощностей, которые удалось загрузить благодаря государственным военным заказам. На громадную роль накопленных запасов мощностей указывает также сокращение в годы войны капитальных вложений. Инвестиции в американскую экономику падали как в абсолютном выражении, так и относительно с точки зрения структуры ВВП значения. В 1941 г. инвестиции составляли 11% американского ВВП, а в 1944 г. – всего 3% [Economic..., 2011, с. 7].

Аналогичным образом обстояло дело и с рабочей силой. Уровень безработицы в США к началу 1940 г. оценивался в 10 млн человек [Варга, 1946, с. 73]. Перед войной численность Воору-

женных сил США составляла 2,2 млн человек, а своего пика в 12,3 млн человек численность достигла в июне 1945 года [Field, 2022, с. 316]. Благодаря призыву уровень безработицы снизился с 14,6% в 1940 г. до 1,9% в 1945 г. [Economic..., 2011, с. 7].

Высокая безработица не была единственным источником пополнения рабочей силы. Другим важным источником стало увеличение продолжительности рабочего дня. До войны в промышленности средняя продолжительность рабочего дня составляла 35 часов в неделю. В годы войны продолжительность рабочей смены в наиболее важных отраслях экономики доходила до 10–12 часов, а работники имели один выходной день в неделю. Также массово стал применяться женский труд, который до войны практически не использовался на производстве и даже не учитывался в статистических расчетах трудовых ресурсов. В самой значимой отрасли американской экономики – самолетостроении – доля женщин на своем пике в июле 1944 г. достигала 36,9%. Женщинами, впрочем, дело не ограничивалось. В процессе массового военного производства выяснилось, что многие сборочные работы необходимо проводить в ограниченном пространстве и для таких работ требуются особые навыки мелкой моторики. Для выполнения этих сложных технологических операций использовались имеющие отклонения в росте инвалиды [Варга, 1946, с. 73; Field, 2022, с. 101].

Рассмотрим еще один важный аспект военной экономики США, связанный с появлением образцов новой техники, образцов вооружения, промышленных технологий. Самые последние исследования, проведенные американскими историками, показали, что никаких чудес в годы войны здесь тоже не произошло. С начала 30-х и до середины 40-х годов XX века в США самыми дорогостоящими проектами были три проекта, реализованных под нужды стратегической авиации [Гладуэлл, 2022, с. 40].

Первый проект, стоимость которого оценивается в 3 млрд долл., был направлен на создание бомбардировщика Б-29. Хотя разработка бомбардировщика и его серийное производство началось в годы войны, в основе конструкторских решений лежал проект более раннего бомбардировщика Б-17, который начал поставляться американским военно-воздушным силам в начале 1939 г. Объем производства разработанного до войны Б-17 более чем в три

раза превзошел объем производства более совершенного, но более затратного и сложного в изготовлении Б-29.

Второй проект ставил своей целью изготовление авиационной бомбы, поражающая способность которой была основана на распаде урана-235. Этот проект, известный как Манхэттенский, обошелся правительству США в 2 млрд долл. Проект был реализован с августа 1942 г. по июнь 1945 г. и завершился испытанием ядерной бомбы. Сам проект представлял собой финишный этап теоретических расчетов и лабораторных экспериментов в области ядерной физики – направления, бурно развивающегося с начала 1930-х годов. Первый удачный эксперимент по управлению цепной реакцией был проведен Э. Ферми в 1934 г. По мнению подавляющего большинства физиков (в том числе и высказанного до начала Второй мировой войны), ядерная бомба, как закономерный результат научных исследований, неизбежно была бы создана к середине 1940-х годов, вне зависимости от того, началась бы мировая война или нет.

Наконец, третьим по стоимости проектом стал проект авиационного прицела Нордена. Создание прицела, представляющего собой аналоговый вычислительный механизм и систему наведения бомбардировщика на цель, обошлось американскому государству в 1,5 млрд долл. Прицел был создан еще в конце 1920-х годов, все последующие годы он непрерывно совершенствовался и адаптировался под нужды массового промышленного производства.

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что рост экономики США в годы войны объясняется не «чудом», а запасом производственных мощностей, миллионными резервами трудовых ресурсов и накопленным интеллектуальным потенциалом. Но отвлечение созданных перед войной экономических ресурсов на цели, не имеющие никакого отношения к экономике, подрывало послевоенные возможности страны. Стремительно растущая в годы войны американская экономика, начиная с 1945 г., стала падать, несмотря, казалось бы, на крайне благоприятные внешние и внутренние возможности роста. Мир победителей был отмечен не только экономическими потерями, но и внутренней тревогой и депрессией. Мрачный послевоенный период был мрачен во всем, от внутренней политики маккартизма до

голливудского нуара. В этом смысле для США мир оказался хуже войны. Ничего удивительного нет в том, что американское государство увидело надежный и проверенный инструмент решения своих внутренних экономических и социальных проблем в новой войне. Войне, которой не было, но которую нужно и можно было устроить. Американский ВВП вновь стал стремительно расти в 1950 г. с началом войны в Корее и также стал падать по ее окончанию. В целом американская экономика достигла пика своего военного ВВП 1944 г. только спустя 11 лет, в 1955 г. [Maddison, 2003, с. 85].

Российская и советская экономика в войнах XX столетия. Рассмотрим теперь экономическую динамику отечественной экономики в крупнейших войнах прошлого века¹.

Русско-японская война 1904–1905 гг.

Война продолжалась чуть более полутора лет (февраль 1904 г. – сентябрь 1905 г.), но ее влияние на экономику и общество царской России вышло далеко за рамки военного периода (табл. 1.4).

Таблица 1.4

Динамика макроэкономических показателей Российской империи, 1904–1909 гг., % (1903 г. = 100%).

Показатель	1904	1905	1906	1907	1908	1909
Чистый национальный продукт	112,2	101,4	98,2	96,4	107,0	115,1
Личное потребление	104,8	102,0	94,5	96,5	99,8	107,3
Среднедушевой доход	110,6	97,9	93,6	89,9	97,3	101,9

Источник: рассчитано по [Грегори, 2003, с. 234–237].

¹ В перечень войн не были включены боестолкновения между СССР и Японией на озере Хасан (1938 г.) и сражения на Халкин-голе (1939 г.) по причине того, что эти боевые действия носили локальный и непродолжительный характер, они не потребовали вовлечения большого количества военнослужащих и военной техники. По этой же причине не рассмотрен пограничный инцидент с Китаем на острове Даманском в марте 1969 г. Также были исключены из рассмотрения две войны в Чечне. В их основе лежали не внешние военные противоречия государств, а внутренние геополитические процессы распада СССР.

Согласно оценкам П. Грегори, уровень национального продукта 1903 г. удалось достичь и превзойти только в 1908 г., а восстановить объем среднедушевого потребления и дохода – в 1909 г. Итогом войны стала потеря экономической динамики в четырехлетнем периоде. Причиной тому были не только военные действия, но и революционные события 1905–1907 гг. Хотя сокращение среднедушевого потребления не было катастрофическим в военное и поствоенное время (на 10,1% на своем пике в 1907 г.), именно Русско-японская война впервые обнажила хрупкость социального мира империи и продемонстрировала потенциальную опасность внутренних факторов для воюющей страны. Также можно отметить, что окончание революции и восстановление социального порядка произошло раньше достижения довоенного уровня потребления за счет государственного насилия и последовавшей политической реакции. Опасность внутренней дестабилизации страны в условиях военного времени не была оценена в полной мере, а государство сочло карательные и репрессивные меры достаточными для поддержания внутренней стабильности.

Первая мировая война 1914–1917 гг.

Развитие российской экономики в период Первой мировой войны, по данным А. Маркевича и М. Харрисона, было неравномерным, на второй год войны российская экономика выросла, затем началось ее стремительное падение [Маркевич, Харрисон, 2013, с. 18]:

Динамика чистого национального дохода России,
1914–1917 гг., % (1913 г. = 100%)

1914	1915	1916	1917
97,6	102,3	92,5	82,1

Неравномерной была и отраслевая динамика. По данным тех же авторов, в 1914–1915 гг. росли объемы производства крупной промышленности, а также грузоперевозки в 1914–1916 гг. А вот сельское хозяйство ежегодно сокращало производство, в 1917 г.

оно составило 78,5% своего довоенного уровня [Маркевич, Харрисон, 2013].

Рост промышленного производства стал возможным благодаря капитальным вложениям. С.Г. Струмилин определил, что с 1914 по 1917 год полная стоимость основных фондов промышленности выросла на 22,9%. В качестве причин роста вложений он называет высокую рентабельность промышленности, обусловленную щедрыми военными заказами, и девальвацию рубля, приведшую к убыточности денежных и финансовых накоплений [Струмилин, 1963, с. 361]. Изъятие ресурсов на ведение войны обрушило экономику хозяйств населения. По подсчетам С.Н. Прокоповича, в 1914–1915 гг. объем личного потребления составил 74,7% от уровня 1913 г., в 1915–1916 гг. – 56,5, а в 1916–1917 гг. опустился до 47,4% [Прокопович, 1918, с. 134]. Если задачу роста военного производства царское правительство как-то решало, то вот проблемы социального положения населения и обеспечения внутренней стабильности были проигнорированы.

Советско-финская война 1939–1940 гг.

Военный конфликт длился всего три с половиной месяца (конец ноября 1939 г. – середина марта 1940 гг.), но оказался чрезвычайно напряженным для СССР. Известны два довольно обоснованных расчета годовой динамики экономического развития СССР в предвоенные годы. Один из них выполнен американскими экономистами Р. Мурстиным и Р. Пауэллом в 1966 г., другой – Г.И. Ханиным в 2024 г. (табл. 1.5).

Таблица 1.5

**Динамика экономического развития СССР, 1939–1940 гг.,
% (1938 = 100%)**

Оценочный показатель	Авторы оценок	1939	1940
Валовой национальный продукт	Мурстин Р., Пауэлл Р.	106,2	115,9
Национальный доход	Ханин Г.И.	104,0	105,9

Источники: [Moorsteen, Powell, 1966, с. 622–623], [Ханин, 2024, с. 259–260].

В военном отношении итоги Советско-финской войны сложилась для СССР не самым лучшим образом. Безвозвратные потери Красной армии составили 126,9 тыс. человек, что сопоставимо с потерями при крупных наступательных операциях Великой Отечественной войны [Гриф..., 1993, с. 103]. Хотя территориальные претензии СССР были удовлетворены, а советско-финскую границу удалось отодвинуть от г. Ленинграда, нанести военно-стратегического поражения Финляндии не удалось. По итогам войны у Финляндии оставались боеспособная армия и враждебное к СССР правительство, одержимое идеями военного реванша. (Все это сыграло крайне негативную роль в годы Великой Отечественной войны.) Начатая война не была доведена СССР до задуманного окончания, и причина незавершенности, по всей видимости, лежала не только в военной, но и в социально-экономической плоскости. Однако формальные годовые показатели динамики советской экономики оставались на довольно высоком уровне, что резко отличает Советско-финскую войну от других крупных отечественных военных конфликтов.

Исследование Г.И. Ханина, посвященное экономическим итогам выполнения годовых заданий третьей советской пятилетки, показало резкий спад производства в первом полугодии 1940 г. Основываясь на данных о производстве чугуна – критически важного металла советской предвоенной экономики, Г.И. Ханин оценивает падение производства в первом квартале 1940 г. по сравнению с тем же периодом 1939 г. на уровне 19,2%, а во втором квартале – на 4,6%. Во втором полугодии 1940 г. советская экономика росла: ее прирост в третьем квартале составил 12,5%, в четвертом – 23,2% [Ханин, 2024, с. 259–260]. Довольно очевидно, что причиной провала была Советско-финская война, быстрое окончание которой позволило купировать ее негативные последствия. Если бы боевые действия охватили более длительный временной промежуток, то масштабы экономического кризиса были бы значительно серьезнее.

Великая Отечественная война и Советско-японская война 1941–1945 гг.

По не вполне понятным причинам итоги экономического развития СССР в годы войны советская статистика скрывала, впервые они были опубликованы только во второй половине 1980-х годов [Народное хозяйство..., 1987 с. 43]:

Динамика национального дохода СССР,
1941–1945 гг., % (1940 г. = 100%)

1941	1942	1943	1944	1945
92	66	74	88	83

Наиболее тяжелое положение в экономике СССР сложилось во второй половине 1941 г. и первой половине 1942 г. Из западных районов страны в первые месяцы войны было эвакуировано 2593 предприятия и около 10 млн человек, главным образом работников этих предприятий и членов их семей. Для эвакуации было задействовано 1,5 млн вагонов и 30 тыс. поездов. С июня по декабрь 1941 г. промышленное производство сократилось в 1,9 раза, но к началу 1942 г. производство удалось стабилизировать. С начала 1942 г. военное производство стало расти, а уже к середине года превзошло довоенные показатели [Народное хозяйство..., 1987, с. 43–44]. Спад экономики в 1945 г. объясняется конверсией военного производства и реэвакуацией предприятий с восточной части страны. Спад носил временный характер, он ограничился, в отличие от других воюющих стран, одним календарным годом.

Несмотря на колоссальную потерю основных фондов в 26,2%, довоенный объем ВВП был достигнут в 1947 г., а некоторые отрасли, такие, например, как промышленность, авиационный и автомобильный транспорт, восстановились уже к концу 1946 г. Также стоит отметить, что в основе стремительного развития послевоенного СССР в годы четвертой пятилетки лежали не столько внутренние инвестиционные факторы и советские научно-технические достижения, сколько колоссальные ресурсы и достижения западных стран, которые были получены СССР на правах основного победителя во Второй мировой войне [Фомин, 2023].

Афганская война 1979–1989 гг.

Это наименее масштабная, но при этом самая длительная война из всех рассмотренных войн XX столетия. Ежегодная списочная численность Вооруженных сил на территории Афганистана варьировалась от 80 до 104 тысяч военнослужащих и 5–7 тысяч рабочих и служащих, а общее количество безвозвратных потерь¹ за весь период конфликта составило 14,5 тыс. человек [Гриф..., 1993, с. 402]. Если взять в качестве примера Орловскую наступательную операцию «Кутузов», длившуюся с 12 июля по 18 августа 1943 г. и являющуюся частью Курской битвы, то в ней ежедневные безвозвратные потери составляли 2961 военнослужащих. То есть, общие потери в Афганской войне за 10 лет были такими же, как за неполные пять дней боев трех фронтов (Брянского, Центрального и Западного) в Великой Отечественной войне [Гриф, 1993, с. 189].

Один из лучших специалистов по военно-промышленному комплексу СССР Н.С. Симонов оценивал ежегодные расходы на ведение войны в Афганистане в 6 млрд руб. [Симонов, 2014, с. 487]. В середине Афганской войны, в 1985 г., национальный доход СССР был равен 568,7 млрд руб. [Народное хозяйство..., 1987, с. 430]. Среднегодовой темп прироста национального дохода в 1981–1985 гг., по альтернативным оценкам Г.И. Ханина, составлял 1,03%, а в 1986–1987 гг. – 1,04% [Ханин, 2008, с. 396]. Таким образом, расходы на войну в Афганистане составляли около 1% национального дохода СССР, а их абсолютный уровень был ниже размера прироста экономики. Очевидно, что масштаб боевых действий в Афганистане не оказывал сколько-нибудь значительного влияния на советскую экономику.

Вместе с тем сам факт ведения войны стал одной из значимых причин крушения СССР, что объясняется не количеством ее участников и масштабом потерь, а длительностью войны, ее неэффективностью, отсутствием очевидных целей и, как следствие, крайней непопулярностью. Массовое восприятие тяжести и ненужности войны объясняется не военными или экономиче-

¹ Это значит: общее количество погибших советских граждан на территории Афганистана, куда включались не только военнослужащие, но и правоохранители, строители, дипломатические работники и т.д.

скими факторами, а скорее морально-психологическим кризисом позднего советского общества.

Оба крупных военных конфликта начала XX века (Русско-японская и Первая мировая война) оказали негативное воздействие на экономику Российской империи и привели к крупным социальным катастрофам. Отрицательная динамика экономики, на этот раз экономики СССР, была также и в 1941–1945 гг. Из всех рассмотренных военных периодов экономика сохраняла свою устойчивость и положительные темпы прироста в Советско-финской войне и Афганской войне. Но Афганская война, ведущаяся силами ограниченного контингента за пределами СССР, не требовала крупных материальных затрат.

Факторы роста: мировой опыт и реальность СВО

Анализ экономического положения воюющих государств позволяет выделить ряд факторов, действие которых (часто совокупное) приводит к росту экономики.

Первый важнейший фактор – это наличие больших запасов производственных мощностей, резервов рабочей силы и накопленного интеллектуального потенциала. Особенно велико было довоенное накопление ресурсов в США, что в конечном итоге обеспечило рост американской экономики во Вторую мировую войну. Большое значение также имеют запасы сырья и дефицитных ресурсов. Колоссальные складские запасы, создание которых началось по инициативе рейхсминистра вооружения А. Шпеера после территориальных потерь Германии, позволяли обрабатывающей промышленности работать без перебоев в течение 8–10 месяцев [Промышленность..., 1956, с. 156]. По всей видимости, именно отсутствие стратегических резервов явилось причиной стремительного краха советской экономики в I квартале 1940 г.

Избыток производственных мощностей в экономике создается тогда, когда норма накопления превышает 30%. В России за весь постсоветский период эта норма была ниже 25% ВВП, что не обеспечивало даже простое воспроизводство материальной базы экономики [Фомин, 2022]. В современной России избытка производственных мощностей нет, это проявляется в резко возросшем, близком к максимальному, уровне их загрузки. Анализ

динамики загрузки и прироста мощностей за 2010–2022 гг., проведенный А.В. Алексеевым, показал, что уже к 2022 г. были практически полностью исчерпаны резервы мощностей в добывающих и во многих обрабатывающих отраслях российской промышленности. Проблемы с созданием и загрузкой мощностей промышленности определялись как недостаточной инвестиционной активностью, так и слабостью внутреннего спроса на продукцию [Алексеев, 2024, с. 50–63].

Санкционное давление и рост военных заказов позволили повысить загрузку мощностей, но этот резерв роста экономики был довольно быстро исчерпан. По данным мониторинга ЦБ России, в IV квартале 2023 г. средний уровень загрузки мощностей составил 81%, что стало историческим максимумом за весь период наблюдений ЦБ с 2002 г. [Региональная, 2024, с. 31–33]. (Примерно такой же уровень загрузки производственных мощностей наблюдался в США и Германии в период максимального военного производства летом 1944 г.) Дальнейший экономический рост ограничивается недостатком действующих мощностей и потому он возможен только на основе увеличения инвестиций. Стоит отметить, что рост капитальных вложений в воюющих странах – это чрезвычайно редкое в мировой практике явление, вызванное исключительно низким уровнем инвестиционных и оборонных расходов в предвоенный период. Прирост инвестиций в России в 2023 г. составил 9,8%. И это значит, что Россия в настоящее время стоит перед необходимостью дальнейшего роста не только военных расходов, но и инвестиций в новые, в том числе военные, производства.

Точно так же обстоят дела с резервами рабочей силы. Экономика России по целому ряду причин сталкивалась с дефицитом рабочей силы в последние два десятилетия. Для преодоления дефицита используется труд мигрантов из ближнего зарубежья. По различным оценкам, в настоящее время численность мигрантов колеблется в диапазоне от 12 до 14 млн человек. При этом численность экономически активного населения России, по данным Росстата, составляет 76 млн человек. Таким образом, внутренний дефицит рабочей силы составляет около 15% от ее актуальной используемой численности. С учетом возникающих при использовании иностранной рабочей силы рисков и эконо-

мических потерь, а также вследствие проводимой частичной мобилизации, в экономике России неизбежно будет усиливаться дефицит работников.

Второй немаловажный фактор – это размещение театра боевых действий. Экономический рост в период войны происходит в странах, территории которых защищены естественными преградами. Это характерно, например, для США в период двух мировых войн. Что касается Великобритании, то ее удаленность от боевых действий обеспечивала относительную безопасность территории только в период Первой мировой войны. В годы Второй мировой войны Великобритания из-за авиационных бомбардировок, ударов реактивных ракет и действий кригсмарине потеряла национального богатства на сумму 1,4 млрд фунтов стерлинга, что соответствовало 29,2% годового национального дохода страны в довоенный период [Варга, 1946, с. 22, 81].

Хотя боевые действия, осуществляемые в ходе СВО, ведутся на территории Украины и в достаточно редких пограничных столкновениях, удары артиллерии и беспилотной авиации являются весьма болезненными и для России, в том числе и с точки зрения экономики. Эти потери складываются из стоимости поврежденного имущества, затрат на противовоздушную оборону (в том числе пассивную в виде сооружения бетонных куполов, ограждений и маскировки объектов, размещение производств под землей) и радиоэлектронную борьбу. Организация противовоздушной обороны также предполагает отвлечение воинских подразделений и средств огневого поражения от выполнения непосредственных боевых задач на линии фронта. В настоящее время из 89 регионов России 8 находятся под огнем реактивной и ствольной артиллерии, а объекты как минимум в 45 регионах потенциально являются целями для атак с воздуха. Не следует забывать также и о террористической угрозе, перед которой уязвима вся территория страны и для предотвращения которой требуются также немалые силы и средства.

Третий фактор, обеспечивающий рост экономики в военное время – это наличие союзников, оказывающих военную и материальную помощь. У России таких союзников нет. Все, что

есть у России – это хорошие отношения со странами, не входящими в западную коалицию. Речь идет, прежде всего, о Китае, удельный вес которого в мировой обрабатывающей промышленности в 2023 г. составлял 28,4% и примерно соответствовал суммарному производству трех ведущих промышленных стран, недружественных России – США (16,6%), Японии (7,5%) и Германии (5,8%) [Тор 10..., 2023]. Столь высокий удельный вес Китая в мировом промышленном производстве означает, что хорошие экономические отношения с Китаем все-таки не стоит недооценивать.

Следующий, четвертый фактор, имеет социальную природу и связан с обеспечением внутренней стабильности воюющего государства, его способности справляться с недовольством общества и ростом внутреннего насилия. Уже опыт Первой мировой войны показал, что тяжесть военного бремени и послевоенного восстановления значительно возрастают в условиях смуты и социального раскола. СССР сумел восстановить уровень национального дохода Российской империи 1913 г. только к 1927 г., а пик падения, на котором страна потеряла 61,8% своего довоенного национального дохода, пришелся на 1921 г., когда Первая мировая война была окончена [Маркевич, Харрисон, 2013, с. 18]. При этом страны Антанты вышли на довоенный уровень уже в 1920 г. Даже Германия, которая платила репарации, потеряла источники добычи сырья и важные экономические районы, ограничивала в соответствии с Версальскими соглашениями развитие целого ряда отраслей экономики, стала производить довоенные объемы в 1926 г. [Кембриджская..., 2013, с. 262].

Современная Россия сохраняет внутреннюю стабильность, а политическое руководство обладает значительной электоральной поддержкой. Но здесь очень важны методы обеспечения стабильности. До сих пор главными из них являются финансовые, направленные на сохранение привычного уровня жизни и сложившейся (до начала СВО) системы социальных приоритетов. Очевидно, что по мере затягивания военного конфликта финансовые возможности государства будут все более и более ограниченными. Поэтому дальнейшая стабильность будет определяться тем, насколько государство сумеет отойти от финансовых мер и перейти к иной внутренней поли-

тике, связанной с формированием социальной справедливости и ответственностью элит.

Сохранение устойчивости экономики и социального мира тесно связано с пятым фактором – фактором времени, в течение которого ведутся боевые действия. Любая война есть не что иное, как подрыв будущего страны, ее демографического и материального потенциала, который осуществляется за счет запасов и заделов прошлого. Интенсивные боевые действия, требующие значительных демографических, материальных и финансовых ресурсов, неизбежно сокращают размер производства, уровень потребления и объем инвестиций. Как показал опыт зимней кампании 1939–1940 гг., это сокращение может быть экономически возмещено в условиях конфликта, ограниченного по времени несколькими месяцами. То же самое касается и возможностей купирования негативного социального потенциала войны. Неизбежный спад экономики и фатальное ухудшение социального положения населения в результате затягивания боевых действий явились факторами, которые для советского руководства в итоге стали более значимыми по сравнению с достижением военных целей. Какой бы монолитной ни была элита СССР после чисток 1937 г., и каким бы мощным репрессивным аппаратом она ни располагала, под воздействием внутренних факторов она была вынуждена пойти на окончание войны и дипломатическое урегулирование конфликта.

На данный момент длительность СВО приближается к четырем годам. Это означает, что текущий военный конфликт по своей продолжительности уже превосходит Советско-финскую войну, Русско-японскую войну, активные боевые действия на Восточном фронте времен Первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1917 гг.) и приближается к продолжительности Великой Отечественной войны. Как было указано выше, ни в одном из этих конфликтов стране не удавалось достичь положительных темпов прироста экономики.

Наконец, последний, шестой фактор – это интенсивность военного конфликта. Если конфликт является малоинтенсивным, то его ведение слабо сказывается на экономических результатах воюющей страны. В качестве критерия интенсивности вполне можно использовать сопоставление военных расходов и прироста

ВВП. Такой малоинтенсивной войной была, например, Советско-афганская война, расходы на ведение которой были примерно в 2 раза ниже прироста ВВП по альтернативным оценкам и в 8 раз ниже – по официальным. Современную СВО можно характеризовать как высокоинтенсивный военный конфликт, т. е. как конфликт, затраты на который кратно превышают возможности его ведения за счет текущих экономических доходов.

Действие факторов является не только прямым, но и обратным: наличие факторов (или их части) ведет к росту военной экономики, а отсутствие – к падению или, в лучшем случае, стагнации. Учитывая вышеизложенное, самое разумное при составлении планов и прогнозов дальнейшего экономического развития России – нужно исходить из невозможности сколь угодно значимого экономического роста. Также маловероятно, что страну ожидает и серьезный экономический кризис. Скорее всего, российская экономика в ближайшие годы будет иметь околонулевые темпы развития. Вполне вероятно, что ее ожидает умеренное падение. А вот сохранение положительных темпов прироста, даже крайне низких, представляется маловероятным. Также очевидно, что экономика России, при условии сохранения своей структуры, уже не в состоянии впредь обеспечить начавшийся после 2022 г. стремительный рост военных и инвестиционных расходов.

1.2. Структурная перестройка экономики РФ в условиях внешнеторговых ограничений и роста государственных расходов

Информационная политика и официальные военные расходы. Особенностью любого вооруженного конфликта является резкое сокращение публикаций информационно-статистических материалов. Многие статистические сведения, характеризующие экономический и демографический потенциал страны и имеющие публичный характер в мирное время, в период войны приобретают статус государственной тайны. Информационно-статистическая политика РФ после начала СВО в этом отношении не является исключением (табл. 1.6).

Таблица 1.6

Информация, не подлежащая публикации после февраля 2022 г.

Вид информации	Субъект предоставления информации	Дата изъятия информации из публичного доступа
Таможенная статистика (в разрезе товарных групп и стран)	ФТС	апрель 2022 г.
Платежный баланс РФ (с детализацией счетов внешних торговых и финансовых операций)	ЦБ	май 2022 г.
Федеральный бюджет (детализированные сведения о доходной и расходной частях)	Правительство РФ, ГД, СП	июнь 2022 г.
Поступление налогов, администрирование бюджетных средств	ФНС, ФК	июнь 2022 г.
Месячные данные об объемах генерации и потребления электроэнергии по ОЭС и субъектам РФ	Системный оператор ЕЭС	октябрь 2022 г.
Сведения о назначенных пенсиях и численности пенсионеров	СФР (Социальный фонд России)	январь 2023 г.
Информация о добыче нефти, газа и конденсата	Росстат	апрель 2023 г.
Данные об объемах внебиржевых торгов иностранной валютой	ЦБ	июль 2024 г.
Информация о производстве нефтепродуктов (бензина, дизельного топлива, масел)	Росстат	август 2024 г.
Численность населения (данные микропереписи)	Росстат	октябрь 2024 г.

Начиная с марта 2022 г. детализированные сведения о доходах и расходах бюджета не публикуются, министерство финансов ограничивается публикацией только укрупненных статей доходов федерального бюджета, статьи расходов не публикуются. Также после начала СВО перестали публиковаться сведения об объемах экспорта и импорта. Закрытие информации о своих экономических партнерах и объемах внешних поставок представляет собой стандартную практику любой воюющей страны. В 2023 г. пере-

стала быть публичной информация об объемах добычи энергетических ресурсов и производстве нефтепродуктов. С 2022 г. многие российские публичные компании перестали публиковать свою отчетность. Это главным образом компании оборонно-промышленного комплекса, а также крупнейшие российские банки. По всей видимости, тенденция к сокращению публичной информации, как со стороны государства, так и со стороны российских компаний будет продолжена. Это не позволяет произвести детальный расчет затрат, связанных с проведением СВО. Возможна лишь их общая макроэкономическая оценка. В связи с этим задача заключается в выявлении основных направлений макроэкономической перестройки современной российской экономики, связанных с повышением военных расходов, изменением условий внешнеторговой деятельности и ростом экономических потерь в результате боевых действий.

Стоит, прежде всего, отметить, что понятие «военные расходы» носит крайне неопределенный характер и потому имеет множество интерпретаций. Что еще хуже – многие исследователи по разным причинам (главным образом в рамках самоцензуры и размытости формальных границ дозволенного) вообще стремятся исключить из своего рассмотрения экономические факторы, связанные с проведением СВО, и давать им какую-либо внятную стоимостную оценку. Например, А.А. Широ́в, М.С. Гусев, К.Е. Савчишина по данным из «открытых бюджетных источников» определили, что оборонные расходы в 2022–2024 гг. выросли по сравнению с прошлыми годами в 2–2,5% от ВВП и достигли в 2024 г. около 9% ВВП [Широ́в и др., 2025, с. 14–15]. Судя по тексту публикации, оборонные расходы авторы посчитали равными расходам на национальную оборону федерального бюджета. Трудно, конечно, понять, что они понимали под «открытыми бюджетными источниками», и то, как они интерпретировали официальные бюджетные данные. Если ориентироваться на официальные заявления, то расходы на национальную оборону в 2025 г. составили 13,5 трлн руб., что составляет 6,3% ВВП. Эти данные привел В.В. Пу́тин в своем докладе в конце июня 2025 г. [Пу́тин...]. По всей видимости, в приводимых Президентом РФ данных о военных расходах также говорится исключительно о бюджетных расходах на оборону.

В России военные расходы отражаются в бюджетной классификации и связаны исключительно с администрированием финансовых ресурсов в рамках Министерства обороны [Бюджетный кодекс..., Ст. 21, п. 2]. Эти расходы включают в себя:

- расходы Вооруженных сил Российской Федерации;
- модернизацию Вооруженных сил Российской Федерации и воинских формирований;
- мобилизационную и вневойсковую подготовку;
- мобилизационную подготовку экономики;
- подготовку и участие в обеспечении коллективной безопасности и миротворческой деятельности;
- ядерно-оружейный комплекс;
- реализацию международных обязательств в сфере военнотехнического сотрудничества;
- прикладные научные исследования в области национальной обороны;
- другие вопросы в области национальной обороны.

Как видно, бюджетная классификация ориентируется исключительно на текущие расходы Вооруженных сил и далеко не в полной мере отражает расходы капитального характера. Также в ней отсутствуют затраты, связанные с мобилизацией экономики и повышением уровня милитаризации ее отдельных отраслей (промышленности, транспорта, строительства и т.д.).

Существуют также рекомендации международного института войны и мира (SIPRI), которые определяют военные расходы как расходы:

- вооруженных сил, в том числе сил по поддержанию мира;
- министерства обороны и других правительственных ведомств, участвующих в осуществлении оборонных проектов;
- военизированных формирований, если, по имеющимся оценкам, они прошли военную подготовку и оснащены всем необходимым для ведения боевых действий;
- ведомств, осуществляющих военно-космическую деятельность.

При этом исключаются расходы на гражданскую оборону и текущие расходы, связанные с прошлой военной деятельностью, такие как выплаты ветеранам, затраты на демобилизацию, конверсию и уничтожение оружия [Ежегодник СИПРИ..., 2014, с. 260]. Дан-

ные рекомендации несколько расширяет российское определение военных расходов за счет включения в них дополнительных затрат, не относящихся напрямую к министерству обороны (военно-космическая деятельность, затраты на содержание сил правопорядка), поэтому и оценка уровня военных расходов несколько выше [SIPRI..., 2025]:

Удельный вес военных расходов в структуре ВВП РФ,
2020–2024 гг., %

2020	2021	2022	2023	2024
4,1	3,6	4,6	5,4	7,1

Но в целом данная классификация также не отражает все те затраты, которые несет Россия в процессе проведения СВО, и потому непригодна для расчета фактических военных расходов.

Можно выделить следующие дополнительные расходы, которые несет РФ в ходе проведения СВО:

- расширение военного заказа, строительство заводов по производству вооружения, военной техники, боеприпасов;
- строительство системы военной логистики (транспортной инфраструктуры);
- модернизация и развитие ядерного вооружения;
- военно-космическая деятельность (увеличение околоземной спутниковой группировки, освоение среднего и дальнего космоса);
- выплата компенсаций кампаниям и населению за поврежденное в результате боевых действий (включая воздушные налеты) имущество; расходы на эвакуацию населения и его размещение на новых местах проживания;
- освоение Арктики и регионов Дальнего Востока, развитие СМП (использование фактора стратегической пространственной глубины);
- формирование системы противовоздушной обороны в регионах РФ, активная и пассивная защита производственных объектов от атак с воздуха, расходы на децентрализацию и деконцентрацию производства, запасов сырья и готовой продукции;
- контртеррористическая деятельность;
- финансирование частных, добровольческих и региональных военных кампаний;

- волонтерская деятельность;
- федеральные трансферты в бюджеты новых российских регионов;
- расходы на строительство и восстановление жилья, социальной и коммунальной инфраструктуры, промышленных и транспортных объектов в новых регионах РФ;
- расходы СФ и ФОМС (на выплату пенсий и финансирование учреждений здравоохранения в новых регионах, назначение пенсий инвалидам и членам семей погибших военнослужащих);
- региональные расходы (региональные выплаты военнослужащим при заключении контрактов с министерством обороны, адресная помощь муниципальным районам новых регионов РФ).

Практически любая из этих статей расходов в условиях закрытости государственной и корпоративной информации не может быть оценена и потому определение общего уровня военных расходов через анализ и оценку отдельных расходов не представляется возможным. В связи с этим возможна лишь их общая макроэкономическая оценка, выполненная на уровне макроэкономических национальных счетов (табл. 1.7).

Таблица 1.7

**Отражение военных расходов в системе национальных счетов
по элементам конечного использования ВВП в условиях проведения СВО**

Элемент конечного использования ВВП	Статья военных расходов	Источник выплат
1	2	3
Конечное потребление домашних хозяйств	Денежное довольствие военнослужащих	Федеральный бюджет
	Денежное вознаграждение при заключении контракта	Региональные бюджеты
	Социальные выплаты военнослужащим и членам их семей в случае получения инвалидности или гибели	Социальный фонд России
Валовое накопление основного капитала	Строительство и модернизация предприятий ОПК, создание дорожной и транспортной инфраструктуры	Федеральный бюджет (расходы по экономическому блоку), средства предприятий

Продолжение таблицы 1.7

1	2	3
	Закупка техники и систем вооружения	Федеральный бюджет (расходы по статье «Национальная оборона»), частные пожертвования
	Восстановление разрушенных производственных и социальных объектов, жилых зданий	Региональные бюджеты, средства предприятий и населения, частные пожертвования
Изменение запасов материальных оборотных средств	Создание запасов и резервов комплектующих, критических видов ресурсов и сырья	Средства предприятий
Конечное потребление государства	Текущие расходы на содержание вооруженных сил	Федеральный бюджет (расходы по статье «Национальная оборона»)
	Трансферты в бюджеты новых регионов	Федеральный бюджет (расходы по статье «Общегосударственные вопросы»)

Структурные изменения конечного использования ВВП. Для расчета структурных изменений, произошедших в экономике РФ после 2021 г., воспользуемся официальными данными Росстата о динамике ВВП и его конечном использовании по элементам [Элементы...]. В 2021 г. объем российского ВВП Росстат оценивал в 134,7 трлн руб. В 2022 г. ВВП сократился на 1,4% к уровню предыдущего года; в 2023 г. вырос на 4,1% и в 2024 г. вновь увеличился на 4,3%. Соответственно, в постоянных ценах 2021 г. объем ВВП 2022 г. можно оценить в 132,8 трлн руб., ВВП 2023 г. – 138,3 трлн руб. и ВВП 2024 г. – в 144,2 трлн руб. Таким образом, по официальным данным экономика России в целом за период 2021–2024 гг. выросла на 7,1%.

Довольно очевидно, что интенсивные боевые действия требуют финансового обеспечения и соответствующего роста государственных (и не только государственных) военных (и не только военных) расходов. Рассмотрим в связи с этим структуру конечного потребления ВВП РФ в неизменных ценах 2021 г. (табл. 1.8).

Таблица 1.8

Структура ВВП РФ по элементам его использования в постоянных ценах 2021 г., 2021–2024 гг.

Показатель	2021		2022			2023			2024		
	трлн руб.	%	трлн руб.	%	измен. к 2021, трлн руб.	трлн руб.	%	измен. к 2021, трлн руб.	трлн руб.	%	измен. к 2021, трлн руб.
Расходы на конечное потребление	91,2	67,7	85,5	64,4	-5,7	94,6	68,4	3,4	99,5	69,0	8,3
домашних хозяйств	67,1	49,8	62,5	47,1	-4,5	68,6	49,6	1,5	71,5	49,6	4,4
государственно-го управления	23,3	17,3	22,4	16,9	-0,9	25,3	18,3	2,0	27,3	18,9	4,0
некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства	0,8	0,6	0,5	0,4	-0,3	0,7	0,5	-0,1	0,7	0,5	-0,1
Валовое накопление	30,7	22,8	30,5	23,0	-0,2	37,9	27,4	7,2	38,4	26,6	7,6
валовое накопление основного капитала	25,9	19,2	27,5	20,7	1,6	30,8	22,3	5,0	32,3	22,4	6,4

Продолжение таблицы 1.8

изменение запаса материальных оборотных средств	4,8	3,6	3,1	2,3	-1,8	7,1	5,1	2,2	6,1	4,2	1,2
Чистый экспорт	12,8	9,5	16,7	12,6	3,9	5,8	4,2	-7,0	6,3	4,4	-6,5
экспорт	40,4	30,0	36,5	27,5	-3,9	31,7	22,9	-8,7	32,2	22,3	-8,3
импорт	27,6	20,5	19,8	14,9	-7,8	25,9	18,7	-1,8	25,8	17,9	-1,8
Валовой внутренний продукт	134,7	100,0	132,8	100,0	-1,9	138,3	100,0	3,6	144,2	100,0	9,5

Примечание: рассчитана по данным Росстата по официальным данным о размере ВВП в текущих ценах за соответствующие года, индексах-дефляторов ВВП и структуре конечного использования ВВП в текущих ценах. Очевидно, что общий индекс-дефлятор ВВП не в полной мере отражает изменение цен при использовании его отдельных элементов. Тем не менее дефлирование элементов по общему индексу-дефлятору вряд ли существенно искажает динамическую структурную перестройку.

Источник: рассчитано по [Элементы...].

Как видно, наиболее неблагоприятная ситуация в экономике РФ сложилась в 2022 г. Причины спада экономики можно разделить на две группы, относящиеся к разным моментам времени.

Первая группа причин объясняется отсутствием подготовки экономики РФ к интенсивным боевым действиям и неминуемым ухудшениям условий внешней торговли.

Предвоенная подготовка экономики, что хорошо известно из истории, включает в себя: наращивание производственных мощностей и возможностей; замыкание технологических контуров производства критически важной продукции внутри страны; накопление дефицитных запасов сырья, материалов и комплектующих; расширение и диверсификацию каналов экспорта и импорта; строительство новых логистических и транспортных коридоров. Эти мероприятия до 2022 г. в России не проводились, ввод санкций стал шоком для многих российских компаний и производств. На уровне макроэкономических национальных счетов счета экспорта и импорта включают в себя движение товаров и услуг, а также приток и отток капитала. Объем экспорта товаров и услуг в 2022 г. сократился на 9,6%, объем импорта товаров и капитала – на 28,3%. В условиях масштабной зависимости экономики России от импортных товаров, сырья и комплектующих и тесной интеграции России в мировой рынок внешнеторговые санкции неминуемо привели к спаду экономики.

Вторая группа причин объясняется просчетами российского руководства относительно сроков и интенсивности боевых действий. В 2022 г. в России не была проведена экономическая мобилизация, а государство с большим запозданием приступило к поиску ресурсов для ведения военных действий. Это выразилось, в том числе, в росте и без того громадного оттока капитала из страны, который в 2022 г. вырос на 3,9 трлн руб. или на 30,5%. Хотя из истории хорошо известно, что вступавшие в войну государства, в том числе и с развитой рыночной экономикой, жестко контролировали международные финансовые и товарные трансакции, вплоть до объявления государственной монополии на внешнеторговую деятельность и принудительного установления обменных курсов валют. Отмеченные трудности затронули не

только экономическую сферу. Они неизбежно сказались на результативности военных действий и нашли свое отражение в потерях территорий, контролируемых российской армией, осенью 2022 г. и в сложностях с мобилизацией резервистов.

Тем не менее выводы из военных и экономических неудач российское руководство сделало и на рубеже 2022–2023 гг. приступило к осуществлению финансового маневра и изменению хозяйственного механизма. Принятие мер по расширению государственного заказа позволило остановить падение экономики и увеличить производство, благодаря чему российская экономика в 2023 г. дополнительно получила 3,6 трлн руб. (в ценах 2021 г.), а в 2024 г. – 9,5 трлн руб.

Также существенные изменения произошли во внешнеэкономической сфере. На протяжении последних десятилетий Россия имела профицитный баланс по внешним финансовым операциям, ежегодный отток капитала за границу колебался около 10% российского ВВП. Фактически этот отток представлял из себя доходы сверхбогатых российских граждан (которые в последующем вкладывали их в активы за границей), прибыли иностранных компаний, осуществляющих свою деятельность на территории страны, и трансграничные переводы физических лиц (гастарбайтеров) в страны своего постоянного проживания.

Необходимость расширения финансовых ресурсов заставила руководство страны пойти на сокращение объема оттока капитала за границу. В 2023 г. размер положительного сальдо по внешне-торговым операциям (чистого экспорта) сократился на 7 трлн руб. – до 5,8 трлн руб., т. е. более чем в два раза. В 2024 г. размер оттока составил 6,3 трлн руб., а его размер сократился на 6,5 трлн руб. по сравнению с 2021 г. Можно с уверенностью предположить, что государство лишило прибыли иностранные компании, разместившие свои активы и счета на его территории, также государство обратило сверхвысокие доходы обеспеченных граждан в свою пользу.

Таким образом, российская экономика дополнительно получила 10,6 трлн руб. в 2023 г. и 16 трлн руб. в 2024 г. (в ценах 2021 г.).

О том, по каким направлениям и с помощью каких механизмов распределялись дополнительные доходы экономики в 2023–2024 гг., известно мало. В основе роста доходов домашних хо-

зййств лежало увеличение доходов военнослужащих, участвующих в специальной военной операции, а также рост заработных плат работников военно-промышленных производств. Эти расходы, помимо федерального бюджета, несли региональные бюджеты, многочисленные благотворительные фонды, промышленные предприятия. Также сюда можно отнести пенсии по инвалидности военнослужащим и пенсии несовершеннолетним детям в случае гибели военнослужащих. Эти выплаты имеют долговременный характер и производятся внебюджетным Социальным фондом¹. Несмотря на то что дополнительные доходы населения не были обеспечены ростом гражданского производства и поступлением импорта, все-таки они имели ограниченное влияние на рост потребительских цен. Здесь заслуга принадлежит финансовым властям, и прежде всего Центральному банку, которые сумели путем использования высокой ключевой ставки конвертировать дополнительную денежную массу в банковские депозиты.

Что касается роста накопления основного капитала, то, как было отмечено выше, на уровне национальных счетов здесь также находят свое отражение затраты, связанные с проведением СВО. Это, во-первых, инвестиции в создание военных производств, их модернизацию, расширение мощностей, а также в строительство логистической инфраструктуры и транспортных объектов. И, во-вторых, это закупки систем вооружения, имеющих длительный период эксплуатации. Стоит отметить, что дополнительные объемы вложений в основной капитал (5 трлн руб. в 2023 г. и 6,4 трлн руб. в 2024 г.) – это довольно значительные для экономики РФ величины. Наличие громадных инвестиций и отсутствие публичной информации о строительстве и вводе в эксплуатацию дорогостоящих объектов однозначно свидетельствуют о том, что вводимые объекты имели военное назначение.

Дополнительные инвестиции в материальные запасы в 2023–2024 гг. в размере 3,4 трлн руб. повышают устойчивость экономи-

¹ Прирост назначенных пенсий по данным основаниям можно трактовать в качестве последствия СВО, по этой причине подробная статистика деятельности фонда в настоящее время закрыта.

ки РФ и позволяют ей легче адаптироваться к быстроменяющейся внешнеторговой конъюнктуре. Однако размер этого увеличения не является достаточным.

Механизмы структурной перестройки. Рассмотрение государственных расходов логично начать с анализа изменений параметров федерального бюджета, который, с одной стороны, отвечает за финансовое обеспечение решения задач федерального уровня и, с другой стороны, должен в себя включать все общегосударственные доходы. Так как расходы бюджета практически идентичны элементам конечного использования ВВП, для приведения показателей доходов бюджета в сопоставимый вид вполне можно использовать официальные индексы-дефляторы ВВП.

В сопоставимых ценах 2021 г. доходная часть федерального бюджета составила 25,3 трлн руб.; в 2022 г. – 23,5; в 2023 г. – 22,8 и в 2024 г. – 26,3 трлн руб. [Данные Минфина...]. Как видно, в 2022 г. и 2023 г. было падение реальных доходов государственного бюджета, а в 2024 г. произошел их рост на незначительную величину, всего на 1 трлн руб. в сопоставимых ценах.

Что касается расходной части бюджета, то она незначительно росла как в номинальном выражении, так и в реальном. В 2021 г. расходы федерального бюджета в сопоставимых ценах 2021 г. составили 24,8 трлн руб., в 2022 г. – 26,3; в 2023 г. – 25,3 и в 2024 г. – 28,8 трлн руб. [Данные Минфина...]. Как видно, расходы федерального бюджета повышались не за счет роста его доходной части, а за счет формирования дефицита бюджета.

Если учесть, что общий уровень внутренних доходов российской экономики за период с 2021–2024 г. повысился на 16 трлн руб., а бюджетные доходы выросли всего на 1 трлн руб., получается, что государство изъяло в виде налоговых и неналоговых поступлений всего 6,2% дополнительных доходов. Иными словами, дополнительные доходы российской экономики, полученные в 2022–2024 гг., не были инкорпорированы в государственный федеральный бюджет и направлялись на нужды СВО негосударственными структурами по негосударственным каналам материально-технического снабжения и обеспечения. Речь идет о многочисленных волонтерских и добровольческих фор-

мированиях, которые конвертируют доходы крупных российских компаний и российских олигархов в потоки материальной помощи воинским подразделениям и пострадавшим от боевых действий территориям.

Конечно, было бы вполне логично, если бы государство изымало доходы корпораций и сверхбогатых и напрямую занималось бы их распределением в рамках государственного военного бюджета. У государства все-таки есть органы и инструменты контроля за движением бюджетных средств и эффективностью их расхода. Этим государство принципиально отличается от волонтерских организаций, которые никем не контролируются и ни перед кем не отчитываются, что создает объективную основу для массовых хищений и открывает колоссальные возможности личного обогащения волонтеров. По всей видимости, причинами такого выбора стало традиционное следование российского руководства неолиберальным принципам, признающим высокую эффективность частного капитала в сравнении с государством, а также многочисленные факты коррупции в силовых ведомствах, снижающие доверие руководителей государства к ими же самими созданному государственному аппарату.

Очевидно, что государство сочло риски демаршей российской финансовой элиты менее значимыми по сравнению с недовольством населения в случае перекладывания на него экономического бремени ведения войны. Тем не менее изъятие на нужды СВО доходов сверхбогатых вполне ожидаемо встретило их сопротивление, вершиной которого стали события 23–24 июня 2023 г. После провала вооруженного мятежа государство предприняло ряд мер, направленных на обеспечение внутренней стабильности.

Прежде всего, расширились масштабы антикоррупционных проверок, также примерно в 3,5 раза увеличился объем конфискации имущества. По сообщению Генерального прокурора РФ И.В. Краснова, в 2024 г. работники Прокуратуры выявили 165 тыс. нарушений антикоррупционного законодательства и добились изъятия у коррупционеров имущества на сумму 504 млрд руб. При этом сумма изъятия имущества за период с 2019 по 2024 год в среднем составляла около 150 млрд руб. [За год...]. Кроме того, Прокуратура возвратила государству

имущество на сумму 2,4 трлн рублей. Это имущество, по официальной версии, принадлежало компаниям, которые выводили средства за границу, уклонялись от выплаты налогов и не несли социальные обязательства перед населением и территориями, на которых находились [В генеральной...]. Помимо этого, в мае 2025 г. Конституционный суд РФ признал приоритет публичного интереса над частной собственностью, а срок исковой давности по нарушениям передачи активов предложил считать не с момента приватизации имущества, а с момента выявления нарушений в ходе прокурорской проверки [Суринская...]. Данное юридическое решение означает возможность изъятия практически любых приватизационных активов, которые до сих пор формируют большую часть доходов российских компаний и их владельцев.

Преследование коррупционеров и изъятие у них имущества не преследуют фискальные цели и не способствуют решению финансовых бюджетных проблем по причине крайне низкой эффективности государственного аппарата. Проведенная Счетной палатой проверка выявила, что по состоянию на середину 2025 г. было приватизировано только 240 объектов и переданы в аренду 244 объекта, что составляет около 8% всех объектов коррупционного имущества. Доходы федерального бюджета от продажи и аренды изъятых активов с 2021 г. до середины 2025 г. составили около 4 млрд руб. [Отчет...]. В связи с этим понятно, что в рамках прокурорской компании и судебской инициативы речь не идет о широкомасштабной национализации, пересмотре итогов приватизации или сокращении масштабов российской коррупции. Речь идет исключительно о формировании лояльности российской высшей социальной страты, подавлении ее антивоенных настроений, лишении оппозиции финансовых ресурсов и возможностей социально-политической дестабилизации. Именно силовой (а не финансовый) блок российского государства обеспечивает мобилизацию ресурсов на нужды СВО, применяя при этом инструменты, не имеющие ничего общего с публичностью и государственным финансовым контролем.

Конечно, само по себе решение об изъятии доходов и сверхдоходов богатого населения и прибылей корпораций является

правильным, оно опирается не только на требования экономической логики и социальной справедливости, но и на исторический опыт, как национальный советский, так и на иностранный. Но вот что вызывает недоумение – это отстраненность современного российского государственного аппарата от решения масштабных национальных проблем, что не укладывается в рамки отечественных традиций и не имеет исторических мировых аналогий.

В качестве примера можно указать США, которые на протяжении многих десятилетий изымали значительные средства у обеспеченных слоев населения и с помощью этих ресурсов выходили из кризисов. В годы Первой мировой войны ставка подоходного налога поднялась с 7 до 77%. После войны она снизилась до 24%, но в период Великой депрессии вновь произошел ее рост до 63%. Такой ставка оставалась до начала Второй мировой войны. Необходимость финансирования высоких военных затрат вновь поставила вопрос о повышении налогообложения состоятельных граждан, ставка налога неоднократно поднималась в годы войны и достигла к ее окончанию 94%. В 1945 г. налоги на доходы физических лиц формировали около 40% федерального бюджета, а налоги на прибыль крупных американских корпораций (ставка по которым достигла 50%) давали еще около 33%. Принятие послевоенными США дорогостоящих социальных программ и начало «холодной войны» с СССР не позволили опустить ставку налога на доход богатых американцев ниже 90%. Такой она оставалась до 1964 г., т. е. до тех пор, пока США не приступили к демонтажу государства всеобщего благосостояния и переходу на новую неолиберальную модель экономики [Турчин, 2024, с. 200].

В рамках реализации новой экономической политики государства стоит обратить внимание и на другие традиционные источники финансирования военных расходов – денежную эмиссию и финансовые ресурсы крупного капитала. На протяжении всего периода СВО государство последовательно расширяло объем денежной массы. В 2022 г. ее прирост составил 20,1%, 2023 – 8,5 и в 2024 г. – 5,5% [Денежная...]. Заметно, что прирост денежной массы был значительно выше прироста российской экономики. Дополнительная денежная масса через банковскую систему в ка-

честве кредитов направлялась для финансирования выпуска военной продукции, а высокая ключевая ставка сыграла роль барьера, отсекающего от денежных ресурсов прочие отрасли экономики [Алексеев, 2025].

Несоответствие размера бюджетных расходов новому уровню задач, вставших перед российским государством после февраля 2022 г., не могло пройти незамеченным, в том числе и западными экономистами. В январе 2025 г. американский исследователь К. Кеннеди опубликовал статью, в которой высказал мысль о том, что финансирование военных расходов осуществляется за счет внебюджетного финансирования. В основе этого финансирования лежат внерыночные (некоммерческие) кредиты банков, которые государство вынуждает выдавать некредитоспособным поставщикам военных товаров и услуг. По оценке автора, объем финансирования военного заказа с середины 2022 г. и до конца 2024 г. составил 210–250 млрд долл. и в целом он сопоставим с расходами государственного бюджета на национальную оборону. Основой для таких выводов послужил аномальный рост корпоративного долга, который за два с половиной года СВО вырос на 71% и достиг 19,4% ВВП. По мнению К. Кеннеди, такая финансовая стратегия создает иллюзию стабильности и незначительности государственных военных расходов, также она минимизирует инфляционные риски, но при этом формируются предпосылки для широкомасштабного кредитного кризиса, который по своим последствиям может стать чрезвычайно разрушительным для российской экономики [Kennedy...].

Конечно, не следует ожидать массового банкротства системообразующих российских компаний и предприятий военно-промышленного комплекса. Также вряд ли будут носить массовый характер неплатежи и задержки расчетов. Тем не менее выводы статьи К. Кеннеди довольно справедливы, в современной российской деловой печати можно без труда найти их подтверждения. В середине октября 2025 г. российская редакция журнала FORBS опубликовала данные о десяти крупнейших по размеру долга российских компаний [Десять...]. Отбор десяти крупнейших компаний по критерию размера долга вряд ли, конечно, можно назвать обоснованным, он проводился только среди компаний

с публичной отчетностью. В этот отбор, например, не попали корпорации «Ростех» и «Роскосмос». Тем не менее опубликованный рейтинг в полной мере показывает масштаб стоящих перед современной российской экономикой проблем. Лидерами списка должников являются крупнейшие российские компании: «Газпром» (долг 6 трлн руб.), «Роснефть» (долг 3,6 трлн руб.), «РЖД» (долг 2,8 трлн руб.). Общий долг крупнейших десяти компаний на конец 2024 г. составил 20,5 трлн руб., что соответствует 10,2% текущего российского ВВП.

Подобно тому, как дополнительная денежная эмиссия приводит к росту цен и в конечном итоге сокращает реальные доходы населения, так и обязательные поставки российскими предприятиями ресурсов, товаров и услуг на нужды СВО в рамках банковского кредитования под высокие проценты вымывают их оборотные средства, снижают стоимость ликвидных активов, изымают прибыль.

Перспективы российской экономики и возможности роста государственных доходов. Можно отметить, что рост производства в период войны, а особенно в ее первоначальный период — это довольно частое в мировой истории явление. Рост обусловлен расширением оборонного заказа в условиях увеличения государственных расходов и сопровождается повышением уровня загрузки производственных мощностей, сокращением безработицы, вовлечением в производство дополнительной рабочей силы (использование женского и детского труда, привлечение мигрантов, инвалидов и т.д.) и повышением ее эксплуатации. В дальнейшем под воздействием военных факторов (потеря территории, порча материального имущества) и экономических (сокращение инвестиций, мобилизация квалифицированной и опытной рабочей силы) происходит нарастающее сокращение производства. Такая ситуация была характерна, например, для Российской империи в годы Первой мировой войны.

Если судить по косвенным опережающим экономическим индикаторам, таким как потребление электроэнергии, объем грузоперевозок, выпуск и прокат черных металлов для внутреннего потребления, то они подтверждают — как официальные данные Росстата о спаде экономики в 2022 г., так и о ее подь-

еме в 2023–2024 гг. Этот подъем объясняется действием экстенсивных факторов (повышением уровня загрузки производственных мощностей, ростом военных государственных расходов, массовым вовлечением на производство рабочей силы и привлечением добровольцев для участия в боевых действиях) и потому носил временный характер. Во второй половине 2024 г. финансовые возможности государства подошли к своему пределу так же, как и уровень накопленных экономикой к 2022 г. возможностей.

Об этом, в частности, говорят довольно надежные макроэкономические индикаторы. Прежде всего, речь идет о значительном спаде на железнодорожном транспорте. За январь–октябрь 2025 г. объем погрузки грузов на сети ОАО «РЖД» сократился на 6% по сравнению с периодом предыдущего года, а общий грузооборот снизился на 1,1% [Погрузка...]. Следующий важный индикатор – сокращение выработки электроэнергии в январе–сентябре 2025 г. к аналогичному периоду прошлого года на 1,4%. Также можно отметить снижение производства в черной металлургии, что косвенно указывает на его сокращение в машиностроении и в строительстве. За первые девять месяцев 2025 г. производство чугуна упало на 1,6%; стали нелегированной – на 1,8; стали легированной – на 14,9; проката готового – на 5,4; конструкций и деталей из черного металла – на 6,8% [О промышленном...].

Таким образом, можно констатировать, что возможности экономического роста, который часто бывает на начальных этапах крупных военных конфликтов, к настоящему времени исчерпаны и, соответственно, у государства нет оснований рассчитывать на дополнительные доходы, крайне необходимые для решения военных задач.

Вряд ли может быть сколько-нибудь существенно сокращен и отток капитала из страны, несмотря на то, что его величина составляет внушительные 4,4% ВВП. Основной отток капитала связан в настоящее время с трансграничными переводами иностранных граждан, работающих на территории нашей страны. Если принять оценку численности мигрантов в размере 12–14 млн человек (такую оценку приводят многие независимые исследователи) и учесть численность отечественной рабочей силы Росстата в 76 млн человек, то получается, что удельной вес

иностранной рабочей силы составляет около 15% [Российский..., 2024, с. 110]. В структуре ВВП расходы на конечное потребление домашних хозяйств составляет чуть меньше половины, значит, иностранные работники контролируют около 7,5% российского ВВП. Можно предположить, что часть своего дохода (примерно в размере 40%) мигранты тратят на проживание внутри страны, а большую часть дохода (соответственно, 60%) переводят в страну своего постоянного проживания. При таких довольно реалистичных допущениях получается, что за пределы России мигранты выводят около 4,5% ВВП.

Конечно, российскому руководству следовало бы существенно ограничить использование иностранной рабочей силы и сократить отток столь необходимых государству средств за границу. Тем более что массовая миграция создает проблемы не только в экономике страны. Однако до сих пор скольконибудь серьезных попыток ограничения миграции и более рационального использования внутренних трудовых ресурсов не предпринималось.

ВЫВОДЫ

Расчет фактического значения объема военных расходов был произведен исходя из двух предположений.

Первое состоит в том, что те военные расходы и их направления, которые несло государство до начала СВО, остались на прежнем уровне. Эти постоянные расходы обеспечивают функционирование тех родов войск и воинских частей, которые не принимают участия в боевых действиях (например ракетные войска стратегического назначения, военно-морские флоты, за исключением Черноморского). Сюда же можно отнести расходы на содержание военной инфраструктуры и материально-технической базы вооруженных сил (затраты на содержание военных городков, полигонов, военно-учебных заведений и т.д.). Эти расходы проходят по статье «национальная оборона» федерального бюджета, и их администратором является Министерство обороны. В 2021 г. (за последующие годы эти данные в публикации Росстата отсутствуют) расходы на национальную оборону составили 3,6 трлн руб. или 2,6% российского ВВП [Финансы, 2024, с. 28].

Второе предположение состоит в том, что все дополнительные доходы, которые получала российская экономика после февраля 2022 г., государство направляло на выполнение задач СВО. Собственно говоря, эти доходы потому и появились, что в них возникла острая потребность. Расчеты показали, что размер дополнительных доходов в 2023 г. составил 10,6 трлн руб., а в 2024 г. – 16 трлн руб.

При принятии этих предположений получается, что общий уровень военных расходов в 2023 г. составил 14,2 трлн руб. в ценах 2021 г. или 10,3% текущего российского ВВП, а в 2024 г. – 19,6 трлн руб. или 13,6% ВВП.

Стоит отметить, что уровень вовлеченности экономики, государства и общества в войну, по крайней мере, по меркам XX столетия, крайне низок. Если взять в качестве примера Вторую мировую войну, то доля военных расходов воюющих стран, за исключением США, составляла 50–55% валового национального продукта. Что касается США, территория которых находилась вдалеке от театра боевых действий, и чье участие в войне ограничивалось отправкой экспедиционных корпусов и оказанием военно-технической помощи союзникам, то доля военных расходов страны последние три года войны находилась на уровне 37% ВВП [Economic, 2011, с. 9]. Если бы России удалось мобилизовать больше имеющихся у нее ресурсов, то текущие результаты СВО и продолжительность боевых действий были бы кардинально иными.

Более чем очевидно, что государству в ближайшее время необходимо будет изыскивать средства для докапитализации системообразующих компаний и военных производств, наращивать доходную часть федерального бюджета и искать новые (ввиду истощенности старых) источники финансирования военных расходов. Объявленные осенью 2025 г. изменения в налоговом законодательстве, призванные в определенной степени решить указанные проблемы, свидетельствуют о переходе российской экономики на новую модель функционирования в условиях непрекращающегося роста военных расходов и усиления ущерба от ведения боевых действий.